

Воспоминания о Сульце Моя Via Nostalgia

Моим друзьям Ирине Варшавской и Илье Гомельскому посвящаю

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж выдают?

А. Пушкин

Мне скучно, бес...

А. Пушкин

1

Уже давно нет царской России, нет тех людей, про которых пишу. Они давно переселились в меня, связаны моей памятью, моими мечтами и фантазиями, а все хочется говорить о них, вспоминать, какими были, как жили. Те, кто живет на их месте, — это другие люди, да и я другой. И вот этот другой — живет там, в ином измерении, соединяя прошлое и настоящее, сбывшееся и несбывшееся. И все это за гранью реальной жизни, которую одни прожили с мукой, другие счастливо. А в общем, — сон, который снится мне одному...

2

До двухсотого дня рождения Александра Сергеевича Пушкина оставался один день. Объявленный праздник на Пушкинской площади поражал своей пустынностью и заорганизованностью. Площадь оцеплена милицией. Любителям поэзии прорваться к Пушкину — невозможно: с трибуны будут выступать высокие государственные лица...

А когда-то мы здесь читали стихи. И еще... чуть дальше... на площади Маяковского. А поэт Илюша Бокштейн однажды вышел на площадь Маяковского, взобрался на постамент и произнес двухчасовую речь "Сорок четыре года кровавого пути к коммунизму". Все кончилось для него Лубянкой, Мордovieй и Дубровлагом № 17.

Как-то некстати были эти воспоминания, совсем уж не юбилейные...

Однажды, отправляясь в институт на лекции, я увидел, как мойщики мыли памятник Пушкину: приставили к монументу большую лестницу и... отправились на долгий перекур. Я сфотографировал памятник и эту лестницу, припомнив слова Гоголя, что Пушкин ушел и не оставил к себе лестниц...

Увы! та лестница и сегодня перед глазами. И по ней уже взбираются все кому не лень...

Пушкин вдруг сделался "солнцем русской кулинарии".

"Златая цепь" на широко известном дубе стала украшением ювелирных магазинов. Торговцы спиртным наперебой приглашают: "Подвинем бокалы, содвинем их разом".

"Тройка, семерка, туз" под портретом Пушкина зазывают в казино.

В средней школе первоклассники лихо отвечают на вопросы корреспондентов: "Чем занимался Пушкин?":

— Пушкин был депутатом.

— Пушкин был первым русским царем. Пусть он объяснит, почему не кончается война в Югославии.

— Пушкин пишет стихи и будет нашим президентом.

— Пушкин самый добрый человек.

— Пушкин написал наш гимн.

— Пушкин писал сказки и первым полетел в космос.

— Пушкин построил Москву.

— Пушкин — это кого все знают наизусть.

— Пушкин любил детей.

И хотя последнюю фразу вполне могло бы подтвердить население поселка Михайловское, у изрядной части которого до сих пор проглядываются признаки кудрявой гениальности, прочие утверждения поставили меня в тупик. Все то же когда-то говорили о Ленине. Это, как предупреждал Иосиф Бродский, "сидит на сетчатке, слившись в одно бесконечное серое целое".

Еще хуже было, когда стали читать в микрофон стихи Пушкина, под-

тверждая его слова "мы все учились понемногу...". И впрямь, те случайные прохожие, кто читал стихи Пушкина, знали из него уж слишком "понемногу". А больше всего поразил премьер-министр, который лихо отчеканил:

И пальцы тянутся к перу,
Перо к бумаге,
Секунда — и стихи свободно потекут...

Что справедливо можно было расценить как желание "тянуться" к Пушкину. Но поскольку главе правительства свойственно торопиться, пушкинская "минута" была заменена другой, более динамичной единицей времени.

Мы, русскоязычные писатели, тоже в тот год отличились. Организованный нами Пушкинский фонд, который возглавил Давид Колин, в Яффо на улице Александра Пушкина открыли временную мемориальную доску, чтобы всяк знал, в чью честь назвали улицу. Коренным жителям, заинтересовавшимся именем и честью, которую Пушкин оказал Израилю, мы объяснили, что Александра Сергеевича убил террорист. Если признаться, никакого преувеличения в том не было, и объяснение было принято сразу.

Точно предчувствуя будущие потери, Давид, рыцарь и бессребреник, умер от инфаркта прямо в студии радиостанции РЕКА, передавая очередное сообщение о подготовке к юбилею Пушкина.

Да, в те первые годы репатриации среди других потерь потерять Пушкина казалось особенно несправедливым...

Я часто выходил на берег моря, и мне казалось, что по древнему Ашкелону бродит Александр Сергеевич, в цилиндре, опираясь на палку, и совершенно нагой, потому что у нас в Африке жара стоит необыкновенная...

Я смотрел на море и думал о возврате в прошлое. Только что подняли со дна два финикийских парусника. Везли из Тира в Карфаген амфоры с вином. На всем побережье Средиземного моря лучшее красное вино было в Ашкелоне. Ирод Великий поставлял его к столу римских императоров.

Я смотрю на море и вижу очертание лица. Точно человека поставили так, чтобы Луна отбрасывала на стене его тень. И обвели эту тень углем. Человек ушел, а тень осталась. И еще длинный ноготь на мизинце, одетый, чтоб не сломался, в золотой колпачок...

Вот он берет перо, склоняется к бумаге и выводит нечто важное, касающееся всех нас:

...Вдруг лоно волн
Измял с налету вихрь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозой,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

И подписал: июль 1998 года. Ашкелон. Средиземное море, температура воды двадцать пять градусов...

"Арион" — ну чем не репатриантское стихотворение? В перестройку и наше перемещение в Израиль все так и было... Ничего более русского, чем язык и Пушкин, у нас не было...

Здесь, в Ашкелоне, начались Пушкинские праздники.

Я еще не знал, виток это или оборот.

Какие-то атмосферные раскаты, громыхания: приближение грозы.

Будущее в прошедшем.

Тогда запала нелепая мысль: о Дантесе как о террористе. Мысль эта не писалась, она точно проступала, словно она уже была, а я ее лишь достал оттуда.

Откуда?

В середине 20-х годов в Москве существовало литературное общество "Звено". Молодой пушкинист самым серьезным образом доказывал, что Пушкин был большевиком чистой воды без всякого там уклона. Поднимается известный тогда беллетрист Насимович и говорит: "Товарищи! Я очень удивлен нападками, которым тут подвергается докладчик. Конечно, Пушкин был чистейший большевик! Я только удивляюсь, что докладчик не привел еще одной главной цитаты. Вспомните, что сказал Пушкин: "Октябрь уж наступил".

В дальнейшем мне приходилось слышать, что тем молодым пушкинистом был мой учитель в Литературном институте известный Валерий Яковлевич Кирпотин. Во всяком случае, я был знаком с его статьей "Пушкин и коммунизм".

В России не восприняли смерть Пушкина как смерть на дуэли.

В России всегда знали — произошло спланированное убийство.

Теракт.

В Европе обычным расстоянием между барьерами — считалось двадцать пять — тридцать пять шагов.

В русских поединках минимальным расстоянием было три (!) шага, дуэли на шести шагах не были экзотикой, а средним расстоянием считалось восемь-десять шагов.

Тридцать пять шагов при тяжком оскорблении — знаменитые дуэлянты Толстой-Американец, Дорохов, Якубович, да и Пушкин умерли бы от смеха.

Дуэль Пушкина и Дантеса по европейским меркам выглядела "необыкновенной", незаконной, даже варварской...

Пушкин целился в одного, а видел многих. Он не мог уловить, откуда идет опасность. Это был бой в темноте. И он готов был стрелять на звук, на шорох шагов, на голос, в едва различимый силуэт. Он вслушивался, пытаясь определить верное направление удара. Но не выдерживали нервы. Африканская кровь бушевала. Оскорбленное самолюбие угнетало...

3

Наш путь в Сульц начался в Баден-Бадене, от памятника Достоевскому и тургеневской аллеи с бюстом Ивана Сергеевича Тургенева. Вот стоит Федор Михайлович, который только что вышел из игорного дома, босой, потому что в пух проигрался, руки готовы сжаться в кулаки, нервное напряжение столь велико, что он как бы продавил земной шар, а Тургенев был человек спокойный, тихий, склонный к миролюбию и согласию, но вот согласия между ними как раз и не было. Достоевский видел в Тургеневе жеманного либерала, совершенно не понимающего Россию, а Тургенева бесило, что "у Достоевского через каждые две страницы его герои в бреду. В иступлении. В лихорадке". И мне кажется, что я слышу их голоса. И как задолжавший Тургеневу Достоевский (пятьдесят талеров!), вместо того чтоб вернуть ему долг, кричал: "Вы никогда не знали Россию, и никогда не могли ее понять! Вам надо съездить в Париж и купить себе телескоп, чтоб смотреть на Россию". А Тургенев парировал: "Я ненавижу ваш kwasной патриотизм... Если вы оскорбляете немцев, вы оскорбляете меня лично, Я считаю себя немцем, а не русским. И горжусь этим..."

А пока наша машина никак не хотела трогаться с места, попросили немецкого техника посмотреть, в чем дело, он сел за руль и произнес слово, которое я знаю с детства: "Капут". К счастью, он ошибся, и мы двинулись в Сульц, расположенный недалеко от Винной дороги, в родовой замок баронов Дантесов. Именно отсюда в поисках счастливой фортуны уехал молодой Дантес, и сюда же после дуэли 1837 года он вернулся, но уже не

один, а с женой, Екатериной Гончаровой, родной сестрой блистательной Натальи Пушкиной.

Вообще, весь край на Северо-Востоке Франции поразителен. Не случайно, присоединив Эльзас к Франции, Людовик XIV воскликнул: "Какой прекрасный сад!". Буквально за каждым поворотом дороги вас непременно встретит то романтический замок, то великолепный готический собор, то средневековые крепостные стены... Окрестные маленькие городки и села утопали в цветах. Любая улочка — законченный пейзаж. Любая зеленая лавка — это столько-то и столько-то натюрмортов. Стоит ли говорить о готических соборах? Их красота и величие говорят сами за себя. Их строили сотни лет. Тысячи людей вложили в этот камень свою душу. Заезжаешь в Шартр, кажется, не может быть собора более светлого, высокого, красивого, излишне красивого, но вот собор в Страсбурге — и просто на грани пышности...

Все ухожено, добротнo сделано, все здесь помнят и хранят историю рода, высоко ставят честь.

Только часто понимают ее по-разному...

Спустя почти сорок лет после дуэли Дантес представлялся русским во Франции:

— Барон Геккерен (Дантес), который убил вашего поэта Пушкина.

Так что потомки Пушкина и потомки Дантеса до сих пор не подают друг другу руки. Правда, я где-то вычитал, что бельгийский потомок Пушкина и французский потомок Дантеса во время какой-то пьянки обнялись, но что не бывает по пьянке! Я знал Григория Пушкина, прямого потомка Александра Сергеевича, он ничего подобного слышать не хотел!

4

Вообще, история нестерпимо старая: две молодые женщины полюбили одного мужчину. Жена Пушкина Наталья Николаевна и ее сестра Екатерина влюбились в Дантеса. История эта задыхается среди исторических воспоминаний, как среди семейных сувениров. Молодят ее, увы, ставшие уже редкими находки, как книга итальянской исследовательницы Витоллии Сирены, которая очаровала правнука Дантеса. Он раскрыл перед ней свой "секретный" чемодан, где она обнаружила 25 писем Дантеса к Геккерену и другие интересные материалы.

Совсем недавно выступила и московская "Литературная газета" со статьей известного пушкиниста, который считает, что находка-де хороша, но...

В общем, как бы это точнее сказать... Недостаточно патриотична. Хо-

роший вкус мешает что-либо делать... да и делать уже нечего: все главное как будто уже сделано.

А нам захотелось вдруг в Сульц, так сказать, в логово...

...Городок маленький. Его и сегодня не на всех картах найдешь, а в ту пору о нем вообще мало кто знал... Сначала мы с женой и друзьями заехали в Кольмар, прекраснейший среди городов Эльзаса. Конечно, осмотрели здание бывшего Доминиканского монастыря, основанного в X веке, который как нельзя лучше подходит для произведений Мартина Шонгауэра, Ганса Старшего, Лукаса Кранаха Старшего (моего любимого). Ну и конечно, знаменитый Изенгеймский алтарь. Но меня интересовала биографическая подробность Дантеса: он уроженец Кольмара. Значит, все эти красоты видел?! Как ко всему относился? Известно, что школяр он был никудышный, литература вообще выпала из его поля зрения. В будущем он уповал на две вещи: острую шпагу и рекомендательное письмо.

Конечно, по пути разговорились, как и положено, о Наталье Николаевне, вспоминали, как честили ее Ахматова с Цветаевой, ревновали, как к собственному мужу. Да и Серена Витали, итальянка, серьезная исследовательница, незаурядный пушкинист, назвала Наталью Николаевну "поджигательницей": "Вы говорите о том, что Наталья Николаевна оставалась верной Пушкину. Но разве измена — это только физическая близость с другим? А измена сердца — это ли не измена? Где провести границу? В Евангелии сказано о грехе прелюбодения в сердце. К мужчинам и женщинам это относится в равной мере. Наталья Николаевна — только женщина. А женщина, как и мужчина, может любить не один раз. Вы хотите знать мое собственное мнение о Наталье Николаевне? Вот оно: она была поджигательница... Пушкина погубила ее игра в поджигание. Я думаю, если бы она пошла в своих отношениях с Дантесом до конца, Пушкин не погиб бы..."

Думаю, это больше всего и не понравилось известному пушкинисту из "Литературной газеты".

Впрочем, у меня была своя версия Натальи Николаевны.

5

Писатель Юрий Дружинников, увы, уже покойный, как-то писал, что сегодня за определение совместимости Пушкина и Натальи Гончаровой взялись программисты и брачные конторы. И что, вы думаете, выдал компьютер? Из всех кандидатур в невесты Пушкина — Софья Пушкина, Ан-

на Оленина, Екатерина Ушакова и Наталья Гончарова — самой неподходящей оказалась именно Наталья Николаевна. Наиболее приемлемыми программа посчитала для Пушкина Екатерину Ушакову и Анну Оленину. Но, строго говоря, и те не подошли. Вторичный выбор назвал одну из клиенток брачного бюро аспирантку кафедры славянских языков Калифорнийского университета Беркли, еврейку из Одессы.

Из того же эксперимента стало известно, что для Натальи Николаевны подходящей кандидатурой оказался Дантес, далее Николай Первый, и никак не Пушкин.

Выбор Пушкина был куда более человечным.

Выбор машины — безжалостно-прагматичным.

Это в жизни. Вот что интересно, как в творчестве.

А в творчестве Пушкина старик постоянно стоит на пути молодого человека.

Это заметил еще Сергей Эйзенштейн, великий кинорежиссер, который хотел снимать фильм, посвященный Пушкину. Замысел преследовал его настолько, что за два дня до смерти он открыл его в разговоре с одним из преподавателей драматургии кино в Москве:

— Что является темой всех произведений Пушкина? Упростим схему: старик, загораживающий дорогу к счастью. Вспомните "Евгения Онегина", "Цыган", "Бориса Годунова", "Капитанскую дочку". В "Пиковой даме" старуха скрывает секрет. В "Скупом рыцаре" нет любви, но есть старик, владеющий богатством, которое он ревниво хранит и никому не отдает...

Гениальное изобилие мыслей, характеров — и одна-единственная ситуация, проходящая через все произведения Пушкина: старик, который мешает любить, неосуществленная любовь юноши, мечта о несбыточной любви.

Я подивился совпадению мыслей: а что если в ту роковую осень 1836 года Пушкин сам был тем стариком, который стоял на пути молодого человека? И он это понял! Наталья Гончарова напоминала Пушкину о его первой любви к жене Карамзина — в нее Пушкин влюбился еще в лице. Писал, просил свидания, а она пришла на свидание вместе с мужем. Кажется, от этой травмы он так и не излечился никогда.

Запретной для него была любовь к Собаньской, не менее мучительной к Воронцовой.

Его треугольники удваиваются. Утраиваются — Он, Она и ее Муж.

Он, Она и Царь.

В "Капитанской дочке" треугольник "Отец-Женщина-Сын" вырастает до треугольника "Разбойник-Россия-Властелин"...

Итак, Пушкину какая-то еврейка, в прошлом одесситка, а ныне студентка из Беркли подходит больше всего.

А кто она, из Беркли-то? Лиля Брик, что ли?

В 70-х годах я написал пьесу "Ты — моя вечность" (Монолог Натальи Николаевны). Тогда же показал ее легендарному импрессарию Пинкусу Абрамовичу Фалику. Тот — жене, замечательной еврейской актрисе Сиди Таль. Пьеса их тронула, чего, по правде сказать, я никак ожидать не мог, — мне казалось, что истории Пушкина никак не в сфере их интересов. На семейном совете (в моем присутствии) решили, что для этой цели надо пригласить известную актрису — Аду Роговцеву. У Пинкуса Абрамовича "сказано" и значило "сделано". И он тут же позвонил в Киев.

Красавице Роговцевой пьеса понравилась, и она пообещала, что непременно сделает моноспектакль, правда, сроки были весьма неопределенны — год, два. Для молодого литератора, которым тогда был я, эти сроки были равносильны пришествию коммунизма или Мессии, по нашей нынешней терминологии. До сих пор вспоминаю улыбку известной актрисы, которая отдавала грустью.

В результате за роль взялась другая исполнительница: рослая, красивая. Она всегда привлекала к себе внимание мужчин. Я видел, как она лишала рассудка имеющих жизненный опыт людей. В общем, она и меня лишила рассудка.

Художественный совет пьесу утвердил, но актриса неожиданно подала документы на выезд в Израиль. И поскольку Наталья Николаевна стала "выездной", дирекция филармонии тут же отнесла Наталью Николаевну в разряд пособниц убийц Пушкина. Таким образом, "всемирный сионистский заговор" вокруг Пушкина разрастался. Монолог Натальи Николаевны был снят с повестки дня.

На прощанье директор филармонии, бывший секретарь райкома по сельскому хозяйству, улыбнулся. Сегодня я бы сказал, что его улыбка рассыпала доллары (тогда я их в глаза не видел). Причем все вклады гарантировались от инфляции. Риска — никакого.

Он говорил на простом русско-украинском наречии, но я долго не мог уловить смысл его слов. На минутное дело он потратил час. В переводе на современный русский, он сказал следующее: "Держать в портфеле филармонии пьесу уже не имеет смысла, поскольку Наталья Николаевна скомпromетировала себя...".

Конец его речи оставлял сожаление, как конец чековой книжки.
В общем, тот же треугольник.
Он.
Женщина.
Государство.
И незримое присутствие Эдипа и Фрейда.

7

Мы въехали в Сульц. Симпатичный городок, насчитывающий около пяти тысячи жителей (в годы, когда здесь проживал Дантес, их было четыре тысячи, то есть почти два века мало что изменили в городе).

— Что это? — остолбенел я.

В первой ближайшей витрине информационного агентства я увидел большой плакат, и на нем — портрет Пушкина.

Я толкнул дверь.

Зазвенел колокольчик.

Я вздрогнул.

Звон колокольчика до самой кончины в ссылке пушкинский прадед Ганнибал не мог слышать. Не мог слышать его и правнук. Колокольчик увез его в Москву, вернул в Михайловское, затем в Петербург, Арзрум, Оренбург — и провожал в последнюю дорогу.

Заходим в агентство. Естественно, французского языка не знаем. Немецкий — как писали в советских анкетах — со словарем, то есть никак. На помощь зову подругу с английским и друга, который, не зная ни одного языка (кроме, разумеется, русского и иврита), может разговаривать даже с китайцем. Но английского не знает директор агентства мсье Валлон. Французы тоже в некотором роде "бывшие советские", у них, как говорил про нас Маяковский, "собственная гордость": на любом другом языке ни бум-бум. В конце концов, он дает мне программку спектакля о Пушкине, который будет показан в парке замка Дантесов. Пушкина играет русский актер, в афише фамилия не обозначена. Этот спектакль был уже показан однажды, там заняты двенадцать человек, билеты недорогие — 10 евро для детей и 20 для взрослых. Кажется, сюда входит цена за легкое угощение...

Актер Джордж Чарльз уже сделал имя себе на этом спектакле. Он играет Дантеса и рассказывает о своей поездке в Россию. Старик (а актер играет Дантеса в старости) прожитой жизнью очень доволен.

Общими усилиями при помощи рук, плеч, ног и вошедшего посетите-

ля с полуанглийским определяем позиции сторон. Щепетильные места обходим. Взаимоотношения любовников барона Геккерена и Жоржа Дантеса опускаем, поскольку парады гордости как в Тель-Авиве, так и в Иерусалиме игнорируем. До сих пор не знаем, жил ли Дантес с Геккереном, или Геккерен с ним...

Между прочим, сам Пушкин первым пустил слух о том, что только что зачисленный в гвардию блестящий француз, уже ставший весьма популярным в высшем свете, — гей, живущий на содержании стареющего дипломата. Секрет рассказали ему в одном из борделей тамошние девицы, к которым захаживал Дантес.

— Понимаете, — говорит мсье Валлон, — Дантес сражался за свою честь. И если бы он не убил поэта, тот убил бы Дантеса. К тому ж, все было по-честному.

Возражений по этому поводу у меня нет. Крикнув после выстрела: "Браво!", но, узнав, что Дантес не убит, Пушкин сказал: "Как только мы поправимся, снова начнем". Вообще, последний выстрел Пушкина вызвал серьезную печаль философа Сергея Соловьева: "Это крайнее душевное напряжение, этот отчаянный порыв страсти окончательно сломил силы Пушкина и действительно решил его земную участь. Пушкин убит не пулею Геккерена, а своим собственным выстрелом в Геккерена".

Но это еще не повод не любить русских, правда, мсье Валлон?

Но мсье Валлон человек весьма практичный. Конечно, он плохо понимает смысл моих слов. Он просто размышляет о том, как трудно добиться понимания, если речь касается чего-то возвышенного или глубокого, и тут же переходит на тему о туризме в Сульц, которому мешают русские своим предвзятым отношением к Дантесам. Оно совершенно несправедливо, отталкивает туристов от старого замка и портит всю историю мирного и уютного городка. Тем более что никто из Дантесов тут больше не живет. Они продали все, что имели, городу и уехали отсюда. Кстати, последний из Дантесов — владелец мусороперерабатывающего завода. Когда он приезжает в Сульц, он снимает в своем бывшем замке номер...

Мсье Валлон волнуется:

— Господин пушкинист?

— Нет, что вы! Я писатель, выпускник Московского литературного института, автор полутора десятков книг, но пушкинист ли? Я просто человек, обязанный этой великой тени спасением своего мозга.

Я чувствовал легкое возбуждение, даже нечто вроде слабой желудочной колики.

Какое бедствие в бездне звуков!

Видимо, не найдя во мне коммунистического запала, мсье Валлон стал спокойнее.

— Между прочим, вы сейчас выйдете на площадь, которая была создана в бытность Жоржа Дантеса мэром. Он снес квартал старых домов, перестроил здание мэрии и водрузил над фонтаном статую святого Мориса, которому посвящена местная церковь. Среди достопримечательностей Сульца — орган восемнадцатого века, да и сам замок Дантесов.

Мсье Валлон показал нам, как туда пройти. Прощаясь с нами, он старался держаться как можно дружелюбнее. Но на вопрос, гордится ли он Дантесом, сказал с обезоруживающим достоинством: "С какой стати отрекаться от своих героев? Но, поверьте, потомки Дантеса относятся ко всей этой истории с полной ответственностью. Станьте же и вы на их место!".

— Да, но с этим невозможно смириться... А все-таки, о чем предстоящий спектакль? — переменял я тему.

Ах, о чести семьи! Вообще же, честь на Западе хранят неукоснительно. Несмотря на все усилия советского, а потом российского МИДа, так и не удается получить в нидерландском посольстве доступ к переписке барона Геккерена.

Распрощавшись с мсье Валлоном мы двинулись к поместью Дантесов... и через пять минут оказались на улице "rue d'Anthes", — кривая улочка, большинство окон закрыты ставнями, улочка упирается в поместье, то есть трехэтажный дом с башенкой на углу, дом под высокой островерхой крышей (именуется замком д'Антесов). Фасадом он выходит на улицу Жана Жореса (французский материк давно перевернулся!) но торцом смотрит на эту самую кривую улочку, по которой я хожу туда и обратно. Мои друзья глядят на меня, как на привидение...

Когда Дантес вернулся в Сульц, там, разумеется, понятия не имели про Пушкина, дуэль же французов не удивишь. Для жителей было главным, что он вернулся из России без чинов, без богатств, под чужой фамилией. Но человек он был энергичный, по натуре, как я понимаю, — предатель (чего стоят два имени и три отечества!). И жители его выбрали мэром города, позже он станет сенатором. Как утверждает мой коллега, в честной борьбе непременно побеждает жулик.

Перед входом в дом растет могучий клен. Он встречал молодоженов, прибывших из Петербурга. Вообще, дом окружен парком с раскидистыми ясенями и каштанами.

В начале 90-х годов разорившиеся потомки Дантесов продали родовой

дом, и в нем разместилась гостиница с рестораном, где одно из меню, видимо, для возбуждения аппетита названо "Дантес".

При содействии российских властей восстанавливается исторический контекст эпохи. Не без их участия появились здесь комнаты "Александр", "Наталья", "Екатерина", зал "Сергей", названный в честь отца Пушкина. Особой популярностью у молодежи пользуется зал "Екатерина", который выбирают для бракосочетания те, кто в отеле проводит и медовый месяц.

Я молча стоял. Смотрел на решетку единственного балкона, где сохранились инициалы и герб барона д'Антеса. Екатерина, которую здесь окрестили "печальной дамой в лиловом", прожила в замке семь лет, до самой смерти. Она скончалась после рождения четвертого ребенка — долгожданного сына...

В какую-то минуту мне показалось, что в окнах стали появляться тени: их четкое очертания прекрасно просматривались с улицы, это были очертания людей, собравшихся в комнате, — настоящий конгресс призраков. Там присутствовали и генералы, и министры, и сам государь император Николай Павлович, и еще какие-то знатные люди, но члены семейства Дантеса очертаниями фигур напоминали персонажей фресок Джотто. Старик Геккерен (ему и пятидесяти не было) нюхает табак, чтоб не курить (врачи запретили).

Я знал: Дантес скользкий, его не ухватишь. Все равно что собирать шарики ртути на ковре. Или сосать леденец: сколько не соси — не уменьшается, словно покрыт непроницаемой пленкой. Нет никакого сопротивления. С него все стекает, будто бы подбит какой-то взвесью. Даже когда думаешь, что знаешь его по Щеголеву или Витали Серене, и считаешь, что у тебя к нему иммунитет, я чувствую вдруг, как рубашка прилипает к телу, когда так рядом, близко, дышит тебе в лицо все то, что годами гнило, загнивало и прогнивало, затхлое и все-таки пускаемое в ход: ханжеское, освещающее любое мошенничество жесты, пустое достоинство, слушающее лишь самого себя, ловкое, использующее свое преимущество, хитрость, казуистическое заговаривание фактов — всегда из-за угла, всегда прикрывая наглую ложь полуправдой... — все мешало мне дышать, хотелось кричать, требуя воздуха. В общем, я — не на высоте. Не сумел. Не справился. Потом понял: просто мне нельзя было кривиться от отвращения...

Постепенно я ощущал в себе способность стать соучастником этих призраков.

Были здесь и какие-то надоедливые типы от искусства и литературы, не умеющие улыбаться искренне люди с недоверчивыми взглядами, точно некий узел мешает им двигать руками и ногами, понимать и творить...

Иной раз открывалось окно, и кто-то мелькал за портьерами в глуби-

не темной комнаты, я думал, что это, скорее всего, кто-нибудь из предков, может быть, даже основатель рода, который создал завод холодного оружия. В гербе — шпаги. Правда, нынешний из Дантесов — владелец завода по переработке мусора, — тут уж вряд ли что-нибудь позаимствуешь для герба, не более чем игра воображения.

А вот и Екатерина. Сидит за столом. Перед ней столовый прибор. И вдруг в руке повисает ложка...

Да, она возвела на вершину предвкушение любви, но после нее остался неприятный привкус...

8

Большой портрет Екатерины Николаевны (практически неизвестный в России) — основная достопримечательность муниципального музея в Сульце. Автор картины — местный художник Анри Бельц. Рядом с портретом — копия гробовой доски Гончаровой, портреты Дантеса и его приемного отца барона Геккерена. Дантесам посвящен целый зал музея, в котором не бывает посетителей. И как мы убедились, куратора музея в означенные работой часы музея — тоже трудно застать. Мсье Валлон был прав. Русские сюда не едут...

Муниципалитет купил еще несколько гравюр, две огромные печки — чугунную и облицованную изразцами, некогда они находились в поместье Дантесов. История дуэли представлена здесь литографией, копией дуэльных пистолетов, подлинное оружие находится в музее французского города Амбуз, история его приобретения весьма оригинальна. Пистолеты купил на аукционе в Париже коллекционер, увлекавшийся историей... почты. Для него Пушкин — автор повести "Станционный смотритель", а стало быть, имел отношение к почте. Вскоре не только злополучные пистолеты будут напоминать в Амбузе о русском поэте. В ходе реконструкции муниципального театра перед ним разбивается новая площадь, и городские власти решили назвать ее именем Пушкина.

Затронув тему пистолетов, не могу не сказать, что здесь для меня кроется некая загадка. Советское пушкиноведение убеждало меня в том, что Дантес был хорошим стрелком, профессиональным военным, который тактически правильно построил дуэль, он не стал подходить к самому барьеру, военная выучка подсказала ему, что стрелять нужно сразу. А между тем в музейной комнате среди других предметов посетитель может взгля-

нуть на зловещую мужскую фигуру из чугуна в полный рост с вьющейся шевелюрой, с прикрепленным на уровне сердца деревянным кругляшом, служившим Жоржу Дантесу мишенью для пистолета. Эта фигура датируется 1840 годом, Дантес, видимо, тренировался. Фигура жутковатая в своей молчавшей обиде. И явно говорит о том, что Дантес был плохим стрелком. А Пушкин действительно отменным, это он мог вколотить пулю в муху на стене. И мишень, точно живой человек, смотрела на меня и спрашивала: тот, которого убил Дантес, он потом вправду был мертвым?

Всерьез думаю — Бес вмешался.

Сатана.

И поплыло по кругу, как трубка мира, это словечко: Бес, да Бес...

Всю жизнь Пушкин пестрил рукописи картинками бесов, чертей, дьявола и прочей нечисти.

Но не Провидение ли Божие?

— Когда его товарищ и секундант Данзас, — рассказывает князь Вяземский, — желая выведать, в каких чувствах умирает он к Геккерену, спросил его, не поручил ли он ему чего-нибудь в случае смерти касательно Геккерена, — "Требую, — отвечал он, — чтобы ты не мстил за мою смерть: прощаю ему и хочу умереть христианином".

Иосиф Бродский считал, что судьба послала Пушкину удивительную удачу: он не стал поэтом-убийцей! Представляете: поэт-убийца! Это все равно что Скупой Рыцарь...

...Уходя из замка, мы двинулись к старому кладбищу на краю города. Почти в центре кладбища у забора было фамильное кладбище Дантесов. Первым его обнаружила подруга. Вскрикнула от радости — искать пришлось недолго.

А я подумал: ну как там они?

Здесь, на кладбище, могила приемного отца Дантеса — барона Геккерена, дожившего до 93 лет, могила Дантеса, он умер в возрасте 83 лет в собственном доме. Долго прожили, видимо, не очень совесть мучила.

Недавно на могиле Екатерины Николаевны стараниями Российского генерального консульства установлена новая мраморная доска с надписью: "Здесь покоится Екатерина Гончарова, баронесса Геккерен, родившаяся в Москве, умершая в Сульце 20 октября 1843 года в возрасте 32 лет". С возрастом вышла небольшая ошибка. Известно, что Екатерина Николаевна скончалась в 34 года. Свой истинный возраст она, скорее всего, скрывала, будучи на четыре года старше любимого супруга.

Неподалеку от материнской находится могила дочери Леонии-Шарлотты Дантес. Первая красавица, умница, дома она прошла весь курс Эколь Политекник ("Высшей политехнической школы"), что женщине в те времена было сделать довольно трудно. Во французской семье, во французской обстановке она изучила русский язык, больше всего, как пишут, "до крайности разума", полюбила стихи дядюшки Пушкина, вместо распятия повесила у себя в комнате его портрет и в запале дерзко высказала отцу свое мнение по поводу поединка на Черной речке, бросив ему в лицо: "Убийца!".

На два года в доме барона затаилось тяжелое молчание.

А после — точно кто-то отобрал ее здоровье. Она угасала на глазах. Закончила жизнь в доме умалишенных. Запер, по-видимому, туда ее сам отец, написав в истории болезни: "эротомания под влиянием произведений дядюшки Пушкина...".

Дантес, говорят, часто приходил сюда, на ее могилу, клал маргаритки и долго молчал.

Вижу Екатерину Николаевну. В ее руке — рука красавицы дочери.

— Как это случилось?

— Не знаю...

Думаю, и здесь не обошлось без Черта.

На беломраморной плите Леонии-Шарлотты — отсутствует католический крест.

Скучала ли Екатерина Николаевна по Полотняному заводу, по Петербургу, братьям, родителям, друзьям?

Как эти сестры жили врозь? Писал ей только старший брат Николай, да и то по делам хозяйства либо наследства.

По утрам она мысленно проделывает дорогу от Калуги до Полотняного завода и обратно. Коллекционирует письма, неудачи, непробиваемую холодность мужа. Его многочисленные измены и удивительное скопидомство. Там, на Полотняном заводе, ищут каждую копейку, большая часть которой оседет в кармане Жоржа. Ну и пусть. Ну и славно. Лишь бы Жорж был доволен. Она не брезгает ничем ради своей Любви. Большая любовь. Безоглядная. Такая любовь может нести венок славы...

Доволен жизнью был один только Дантес. Один из его внуков, Леон Метман, вспоминал: "Дед был вполне доволен своей судьбой и впоследствии не раз говорил, что только вынужденному из-за дуэли отъезду из России он обязан своей блестящей политической карьерой, что не будь этого несчаст-

ного поединка, его ждало бы незавидное будущее командира полка где-нибудь в русской провинции с большой семьей и скудными средствами...".

Еще раз Дантес встретится с Николаем Первым. Принц-президент Франции Луи Бонапарт вспомнил о бароне Дантесе-Геккерене и дал ему деликатное поручение ознакомить Николая I со своей политикой. Царь согласился принять Дантеса, но только в качестве частного лица.

Дантес был счастлив. Жаль, не было к тому времени Екатерины. Наверняка сказала бы: "Как красив, этот мой Жорж!". Русские гвардейские офицеры думали иначе. Один из них (Афанасий Синицын) вспоминал:

— Я насмотрелся на этого Дантесишку во время военного суда. Страшная французская бульварная сволочь со смазливой рожицей и бойким говором. На первый раз он не знал, какой результат будет иметь суд над ним, думал, что его без церемонии расстреляют или в тайном каземате засекут казацкими нагайками. Дрянь! Растерялся, бледнел, дрожал. А как проведal через своих друзей, в чем вся суть-то, — о! — тогда поднялся на дыбы, захохотился, черт был ему не брат, и осмелился даже сказать, что таких версификаторов, каким был Пушкин, в его Париже десятки...

Внуки же рассказывали, что всякий раз, когда кто-нибудь пытался ворошить старую историю из грязи и крови, вся семья Геккерена-Дантеса чувствовала себя довольно забрызганной.

Месть Пушкина была полной. Геккерен перед отъездом устроил частный аукцион по распродаже собственной мебели, фарфора и серебра, который и прошел в его собственном доме. "Многие воспользовались тем случаем, чтоб сделать ему оскорбления. Например, он сидел на стуле, на котором выставлена была цена; один офицер, подойдя к нему, заплатил ему за стул и взял из-под него".

Известно, что после смерти Пушкина Наталья Николаевна дважды выезжала за границу, как тогда было принято, "на воды". В первый из этих выездов ей довелось увидеть убийцу своего мужа. По воспоминаниям сына Дантеса, племянника Натальи Николаевны, это случилось так:

"Один раз здесь, в Париже, мне было 12 лет, я шел с отцом по улице Мира. Вдруг я заметил, что он сильно побледнел, отшатнулся назад и глаза его остановились. Навстречу нам шла стройная блондинка с чачесами... как Мадонна. Заметив нас, она тоже на мгновение остановилась, сделала шаг в нашу сторону, но потом обогнула нас и прошла мимо, не взглянув.

Отец мой все стоял как вкопанный. Не отдавая себе отчета, с кем он говорит, он обратился ко мне:

— Знаешь, кто это? Это — Наташа.

— Кто такая Наташа? — спросил я.

Но он уже опомнился и пошел вперед.

— Твоя тетка, Пушкина, сестра твоей матери"...

...Выскажу, может быть, такую еретическую догадку: по-настоящему Наталья Николаевна поняла и полюбила Пушкина уже после смерти, во втором браке с генералом Ланским. Буря с Пушкиным была позади.

Медленное постижение Натали духа Пушкина не могло не поразить Лермонтова, который всегда старался избегать Наталью Николаевну. Но накануне своего отъезда на Кавказ на прощальном вечере у Карамзинных Лермонтов против обыкновения сел рядом с Натальей Николаевной и долго говорил с нею. Под конец этой беседы он признался, что раньше видел в ней только холодную светскую красавицу, и лишь теперь под этой оболочкой увидел все ее обаяние и искренность. Расставаясь, Лермонтов сказал, что когда вернется, станет ее другом...

Арапова, дочь Натальи Николаевны от второго брака, передавала со слов матери:

— Случалось в жизни, что люди поддавались мне, но я знала, что это из-за красоты. Этот раз была победа сердца. И вот чем она мне дорога, даже и теперь мне радостно подумать, что он, Лермонтов, не дурное мнение обо мне унес с собой в могилу.

9

По приезде в Израиль на другой день я двинулся в Яффо, на улицу Пушкина, мне хотелось быть ясным, присутствовать и не поддаваться путанице. Заодно просто полюбоваться памятной доской, которую мой приятель нарек "Доской вздохов". Обычно о таком не говорят: рыдают. Впрочем, для приятеля то была не стена, а "узурпация пространства", ибо стена этого дома в Яффо вовсе "не на то рассчитывала"...

Единственный выход это — сквозь. Или через. Единственный выход из ситуации — продаться сквозь ситуацию.

...Накануне в Израиле состоялся какой-то важный футбольный турнир, и в страну прибыла пара десятков частных самолетов с известными российскими толстосумами на борту. Вместе с ними, само собой, — их те-

лохранители, длинноногие красотки, — земная имитация райской жизни. В аэропорту олигархов встречали арендованные ими бронированные "Мерседесы" с приставленными к ним водителями. Все машины были черного цвета — видимо, чтоб символизировать, что когда-то даже в жизни этих людей была черная полоса.

Из аэропорта "Мерседесы" отвезли гостей в гостиницу "Хилтон Интерконтиненталь", и вскоре после расселения по свитам олигархи потребовали подать им в номер русскую водку с черной икрой. Черной икры не оказалось, поскольку она является продуктом некошерным...

За икрой олигархи с подругами подались в Яффо. Один из них, белокурый в белом пиджаке, вместе со своей рыжей подругой направился в яффский ресторан "Бени а-даг". Все столики в ресторане были заняты. Белокурому посоветовали подождать на улице, пока место освободится. Давно отвыкший что-либо ждать, белокурый олигарх решил, что ему и подруге ждать на улице не пристало, подошел к бару и попросил налить ему кружку пива.

— Рак рэга! — ответил ему на это бармен и ушел минут на тридцать, пока ему кто-то не подсказал фамилию белокурого. В общем, через минут сорок олигарху с его зазубной удалось, наконец, присесть и поесть. Съели они немного — всего на три тысячи шекелей, а под конец растроганный олигарх запел, потом в избытке чувств стал целиться из воображаемого пистолета в прохожих.

Он поднялся. Помедлил. Театрально взмахнул рукой:

— Секундант! Что ты медлишь? Ну! Кто за тебя стрелять будет — Пушкин, что ли?

И он весело рассмеялся.

Если пристегнуть к белому пиджаку эполеты — шалопай выглядел истинным Дантесом.

И я вспомнил Пушкина, который отказался стреляться с одним белокурый офицером, поскольку гадалка пообещала ему смерть от белокурого человека или от лошади.

— А он, этот офицер, — сказал Пушкин, — и белокур и лошадь одновременно...

А в Яффо все было на своих местах, как и должно быть. Улица Данте (пересекает улицу Пушкина). Пушкин писал, что ему хотелось бы встретиться в потустороннем мире именно с Данте.

Улица Россини, поклонником которого был Пушкин.

Улица Виктора Гюго...

В Яффо есть бездна с ума сводящих вещей. Мне всегда казалось, что Яффо смеется в человеке разрушительным смехом. Вот и сейчас я стоял у дома и не верил своим глазам. Знакомой мемориальной доски не было.

Я поднялся на второй этаж к хозяину. Человек, сам похожий на старый Яффо, курил трубку. Я показал ему последний прижизненный портрет Пушкина работы художника Линева.

— Прадедушка, переходящий в прабабушку, — простенько констатировал он.

И я понял, чем меньше информации получает твой мозг, тем сильнее работает воображение.

Я вышел на улицу. Казалось, со времени моего последнего визита улица со всеми строениями будто уменьшилась. Все вокруг сжалось и скукожилось. Но несмотря ни на что, улица казалась мне прекрасной — моя Via Nostalgia...

Я хотел бы сказать о Пушкине то, что сказал Лев Николаевич Толстой о Достоевском: "Я его считал и считаю своим другом, и иначе не думал... И вдруг читаю — умер... Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал, и теперь плачу"...

Для меня вся надежда — на Пушкина как на высшую силу. И всякий раз, когда читаю про его смерть, мне кажется, что я выбываю из строя, во мне живого места нет, только боль. И что так жить нельзя. А я и не живу.

Благословен Ты, дающий мне меня!

...А деревянную доску сняли какие-то бешеные молодые люди, желая к 200-летию юбилею Александра Сергеевича сменить ее на металлическую, но денег не нашли, так что история с доской осталась неоконченной.

Что же касается пустоты на стене дома — скорее всего это загадка происхождения денег, обезоруживающая любого безумца, который осмелился бы к ней подступить!

Сульц — Баден-Баден — Ашкелон

Дантес помедлил. Выдержал паузу. Театрально взмахнул рукой:

— Слыхали анекдот? — и продолжил: — Секундант! Что ты медлишь? Ну! Кто за тебя стрелять будет — Пушкин, что ли?

Так вот, господа, этот анекдот про меня!

И он весело рассмеялся.